

Джинни взяла за правило записывать в дневник заклинания, которые ей предстояло выучить, и у Тома было свое мнение по поводу каждого из них. Это - было бессмысленно. Это - было хорошим фундаментом для более сложной работы. А вот это заклинание она должна выучить молча.

Ты хуже МакГонагалл, - пожаловалась она однажды.

И точно. Он был неумолим, одержим и заботился о магии больше, чем кто-либо, о ком она когда-либо слышала.

Если бы у него была дыхательная система, он бы дышал магией. Если бы у него было сердце, оно бы билось только для магии.

А так у него были слова, и все они были о магии и о том, что она должна быть лучшей.

Ты седьмой ребенок, - сказал он в порыве гнева, когда она не смогла справиться с заклинанием, которое обычные ученики даже не пробовали до своих ТРИТОНов.- Это должно быть легко для тебя.

То, что ты заперт в книге, не значит, что и я такая, - огрызнулась она в ответ.

После этого он дулся несколько часов и больше не разговаривал с ней, пока она не извинилась и не пообещала стараться еще больше.

Она очень старалась, но даже самым трудолюбивым студентам нужен перерыв, и в один из тех идеальных зимних дней, когда солнце отражается от снега, который блестит искрится, и никому нет дела до того, что сильно холодно, потому что на улице светло, Джинни взяла перерыв.

Прищурив глаза от яркого света, Джинни вышла во двор, чтобы отдохнуть между уроками. Рука Тео лежала на ее талии, и она наклонила голову, чтобы подарить ему улыбку, которую несколько дней отработывала в зеркале.

Она бы, наверное, не обратила внимания на насмешки, которые слышала от своего брата Рона, если бы не то, как рука Тео на мгновение превратилась в когти на ее позвоночнике.

"Как ты можешь терпеть выбор друзей своего брата?" - спросил он негромко, наклонив голову в сторону Рона. Джинни посмотрела туда и скорчила гримасу. Как обычно, Рон был в тесной компании с Гарри Поттером и Гермионой Грейнджер.

"Я не нянька ему", - сказала она, пожав плечами.

"Она приходит к тебе домой?" спросил Тео с отвращением в голосе, его губы скривились даже от одной мысли об этом.

Джинни посмотрела на лохматую магглорожденную с переполненной книгами сумкой и выпирающими зубами и вспомнила, как старшая девочка была пренебрежительно любезна прошлым летом.

"Да", - признала Джинни. - "Но ты же знаешь, какие у меня родители. Не то чтобы кто-то спрашивал моего мнения о гостях".

Тео сделал еще одну гримасу, а затем признал: "Думаю, нет". Он посмотрел на нее и спросил с

некоторым беспокойством в голосе: "Поэтому ты не хотела ехать домой на каникулы?".

Джинни пожалала плечами; было бы легко сказать, что причина в этом, но какая-то упрямая гордыня не позволила ей этого сделать.

Ей было все равно, что Гермиона магглорожденная. Она была скучной всезнайкой и властной занудой, и все это делало ее неприятной в общении.

Она перебивала людей и никогда не признавала, что может чего-то не знать. - "Я не думаю, что ее пригласили", - сказала Джинни. - "Я просто не хотела выслушивать бесконечные жалобы на то, что я не еще один идеальный гриффиндорец, как все остальные".

"Кто бы хотел быть гриффиндорцем?" - спросил Тео. - "Даже самые лучшие из них - всего лишь б тупые задиры. А от того, как Дамби целует их задницы, меня тошнит".

Он изменил свой голос, превратив его в жесткое, ворчливое подражание почти всеми любимому директору. - "А Гарри Поттеру сто баллов за то, что он сегодня проснулся".

Джинни хихикнула, радуясь, что ей не придется защищать Гермиону вслух. - "Ну, я не хотела туда", - сказала она. - "И Перси не такой".

Тео пожал плечами на ее защиту старшего брата. Худой префект не снимал несправедливо баллы со Слизерина, и это было, пожалуй, все, что он знал об этом мальчике.

Он не знал, что Перси все еще улыбается ей. Он не знал, что Перси навещал ее в лазарете. Она поняла, что есть вещи, о которых не знают даже богатые мальчики второго курса.

Возможно, конфронтации и не было бы, если бы Рон не окликнул ее: "Эй, Джин, оставь своего придурочного парня и иди сюда. У Гермионы к тебе вопрос".

Джинни скорчила гримасу и отвернулась, но Тео слегка подтолкнул ее в сторону брата и его друзей, поэтому она сморщила нос, закатила глаза, но подошла к троице, ее долговязый сокурсник по Дому шел в нескольких шагах позади нее.

"Что вам нужно?" - потребовала она.

Гермиона немного опешила от такого тона, но оправилась и просто ответила: "Все петухи в Хогвартсе умерли на каникулах, и я знаю, что вы были здесь, поэтому я собиралась задать вам несколько вопросов о..."

"Почему я должна знать что-то о петухах?" - потребовала Джинни. - "Ты такая странная."

Она скрестила руки и уставилась на девушку, воспоминания о том, как сильно петухи кровоточили, всплыло в ее разуме. Они были громкими и кричали, ей приходилось удерживать их и перерезать им горло, она испачкала кровью свои любимые перчатки, а все потому, что Том боялся, что они убьют его глупого домашнего василиска.

Страх, что Гермиона действительно может узнать, что она была виновницей, и что это может означать, сделал Джинни жестокой.

"Мало быть уродливой, надо быть еще и странной? Почему ты решила, что я провела каникулы в курятнике?"

Тео фыркнул, и Джинни покраснела, внезапно убедившись, что Драко сообщил всем своим

соседям по комнате, что она его поцеловала. Глупый мерзавец.

"Я просто хотела понять", - начала Гермиона, но Джинни прервала ее.

"Понять что? Птицеводство? Иди спроси у этого дурацкого Хагрида, которого вы трое так любите. Он будет благодарен тебе за внимание, а я нет.

- Джинни, - потрясенно воскликнул Рон, а Тео захихикал.

"Она больше не просто твоя младшая сестра, Визел", - сказал он. - "Она теперь одна из нас, а мы не проводим время с сельскохозяйственными животными".

"Просто заткнись", - сказал Рон, его голос был низким и сердитым.- "Может быть, тебе в самом деле место в Слизерине".

Джинни сглотнула, уязвленная ядом в его тоне, хотя она знала, что поступила жестоко, и если о Роне и можно было что-то предсказать, так это то, что он будет защищать своих друзей. Когда-то он защищал ее, но не теперь. Она не была одной из его драгоценных гриффиндорцев.

"Никто не стал плохим, кто не был в Слизерине, Джин", - сказал Рон. - "Мы увидим, как ты подлизываешься к Люциусу Малфою и говоришь о Темных проклятиях?"

"Если мне плевать на петухов, это не значит, что я Темная ведьма, - сказала Джинни.

Убийство их может означать, но она не собиралась об этом думать. Она сосредоточилась на своем гневе на брата и на том, что он вычеркнул ее из своей жизни, как только смог.

Он был ей не нужен.

"Может, если бы папа не был так одержим магглами и всем их барахлом, нам бы не пришлось подлизываться к Люциусу Малфою, потому что он подлизывался бы к нам. Мы тоже в Священных Двадцати Восьми..."

Она повернулась к Тео, на лице которого было выражение довольной признательности.- "Пойдем. В этом углу двора пахнет".

Глупая ведьма, писала она позже Тому. - Все глазают на нее, потому что она такая талантливая. Моя мама всегда говорит о Гермионе то, Гермионе это, Гермионе то, Гермионе это, и еще одно печенье Гермионе, а в это время Джинни идет помогать мне мыть посуду. У нее тоже есть деньги.

Том отмахнулся от ее слов и заменил их своими. - Все мое время, Джиневра. У нас все будет. Но сначала ты должна научиться волшебству.

<http://tl.rulate.ru/book/81026/2507143>